

## Глава 19. Лукавство

Шагнув сквозь залитый призрачным сиянием проход, Лян Сюань ощутил, как мир вокруг него мгновенно преобразился.

Когда он вновь открыл глаза, под его ногами темнела бездна. Он стоял на самом краю отвесного утеса. Позади, уходя к горизонту, бескрайним зеленым морем шумел густой лес. Кругом царила мертвая тишина, нарушаемая лишь едва слышным, ленивым шелестом качающихся на ветру ветвей.

Впереди лежал лишь обрыв. Развернувшись, Лян Сюань двинулся в глубь чащи, но не успел сделать и десятка шагов, как заметил смутный золотистый силуэт. Шэнь Гумин стоял неподвижно, опершись на рукоять Цанлани, и молча смотрел на него.

Лян Сюань скользнул по нему взглядом и, не сбавляя шага, пошел мимо. В отличие от встречи с Пэй Таньцзы, здесь всё было иначе: маленький бессмертный господин едва доставал ему до плеча. Поравнявшись с ним, он чуть склонился к его уху и едва слышным шепотом обронил:

— Удачи.

Шэнь Гумин вздрогнул. Но стоило ему обернуться, как белые одежды Лян Сюаня уже растворились среди деревьев, и лишь раскачивающиеся на ветру кроны шумели ему вослед.

\*\*\*

Тайное царство Линьюань мало походило на земной мир. Здесь сама земля дышала угрозой, а за каждым кустом могла таиться смертельная опасность. Никто не знал, в какую секунду и откуда на тебя выскочит очередная свирепая тварь, брызжащая ядовитой слюной.

Однако Лян Сюань шел уже довольно долго, но так и не встретил ни одного чудовища. Впрочем, он и не стремился к бессмысленным битвам ради забавы — отсутствие врагов его вполне устраивало. Куда сильнее его беспокоило другое: поиски Жетона собирания душ пока не принесли ни малейшей зацепки.

Жетон собирания душ был крошечной вещицей, тогда как тайное царство Линьюань казалось бескрайним. Если просто бродить здесь наобум, то задача и впрямь окажется невыполнимой, как и предупреждал Тан Ци. Это всё равно что искать иголку в стоге сена.

Но...

Лян Сюань остановился у старого дерева. Опустив взгляд, он уставился на свою ладонь, где багровела тонкая кровавая вязь. Он смотрел на нее долго, словно завороченный.

Глубоко в его зрачках, обычно темных как ночь, медленно проступили крошечные алые искры. Огонь этот начал разрастаться, захватывая радужку.

Всего через пару мгновений его глаза налились густой кровью. Лян Сюань поднял голову. Непривычное зрение поначалу резало глаза; он несколько раз зажмурился, пока мир не обрел пугающую четкость. Алый свет, струившийся из его глаз, невидимыми волнами разошелся по лесу, прочесывая каждый уголок в поисках заветного жетона.

Вырвавшаяся наружу демоническая энергия не отличалась сокрушительной мощностью, однако была крайне нестабильной. Скрыть ее полностью не удалось бы — эти праведные чистоплюи наверняка почуют след, но Лян Сюаню было плевать. К возможной погоне он давно подготовился. Терять ему нечего, а если прижмет — всегда можно отправить мысленную весточку своему верному младшему брату, главе Юаню, чтобы тот прикрыл отход. Сам Лян Сюань при любом раскладе выйдет сухим из воды.

Лян Сюань трижды прочесал окрестности, выпуская тонкие нити демонического чутья, и лишь на исходе третьей попытки уловил слабый отклик. Перед его мысленным взором предстали очертания исполинской туши. Ошибиться было невозможно: это древний свирепый зверь Таоте. И Жетон собирания душ находился прямо у него в брюхе.

Что ж, повезло, что артефакт обладал собственным духовным барьером, иначе желудочный сок чудовища давно растворил бы его без следа.

Таоте обитал к юго-западу отсюда, всего в паре верст. Вот только Лян Сюань сейчас был практически безоружен. Павлинье перо — оружие тайное, пригодное лишь для мгновенного удара исподтишка, но против колоссальной туши его убойной силы явно недостаточно. Сюда бы добрый меч или хоть какой-нибудь увесистый клинок...

Пока Лян Сюань раздумывал над этой дилеммой, тишину леса нарушил глухой, металлический перезвон. Звук не походил на веселую трель колокольчика — в нем слышался тяжелый, давящий ритм. Повернув голову, Лян Сюань увидел возникшего прямо перед ним монаха с дзенским посохом в руках. На конце посоха тускло поблескивали медные кольца.

— Амиабха, — смиренно склонил голову Тай Сюй. — Сто лет минуло, а ты, как я и думал, окончательно ступил на путь демонов.

Лян Сюань на миг замер, а затем искренне обрадовался.

— Ох, надо же! — воскликнул он с преувеличенным восторгом. — Неужто это наш хилый маленький лысик? Целый век не виделись, я уж соскучиться успел! Ну, как поживаешь? Силы небесные еще не окончательно тебя покинули?

Еще совсем недавно, перед входом в тайное царство, Лян Сюань упорно делал вид, что не замечает монаха, словно того и вовсе не существовало. Но стоило Тай Сюю явиться лично, как

этот пройдоха мгновенно разыграл неподдельную тоску по старому другу.

Лян Сюань многозначительно улыбнулся:

— А ведь ты явился как нельзя кстати.

Он лишь едва заметно нахмурился. Во всей Поднебесной никто, кроме Лян Ланьина, не осмелился бы говорить с ним в столь развязном тоне. Впрочем, этот несносный наглец никогда не выбирал выражений. Еще сто лет назад он без зазрения совести величал его то лысым чертом, то просто лысыком, так что монах давно выработал к его издевкам стойкий иммунитет.

Заметив, что буддист сохраняет олимпийское спокойствие, Лян Сюань вкрадчиво улыбнулся и неторопливым шагом двинулся к нему. Чтобы продемонстрировать отсутствие враждебности, он демонстративно развел руками, показывая пустые ладони.

Любой другой, узрев этот лик неземной красоты и обезоруживающую улыбку, мгновенно потерял бы бдительность.

Но Тай Сюй занимал почетную третью строчку в Списке десяти святых. Какое бы представление ни разыгрывал перед ним Лян Сюань, в глазах опытного мастера эта слащавая приветливость выглядела насквозь фальшивой.

Не понимая, что затевает соперник, Тай Сюй инстинктивно отступил на полшага назад.

Лян Сюань тут же уловил это едва заметное движение и улыбнулся еще шире.

— Чего пятишься? Неужто боишься меня? — спросил он с легкой усмешкой.

Тай Сюй помрачнел:

— Известно ли Почтенному Хуачэню о том, что ты пал на путь тьмы?

Лян Сюань улыбнулся так кротко, что солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву, очертили его лицо мягким золотистым контуром.

— Не знает, — беспечно отозвался он. Голос звучал так легко, будто судьба Почтенного Хуачэня его нисколько не волновала.

Не зная Тай Сюй истинного нрава этого непредсказуемого лицемера, он и сам мог бы поддаться очарованию его невинного взгляда.

Подойдя вплотную, Лян Сюань протянул руку, но Тай Сюй резко перехватил ее на полпути:

— Что ты задумал?

— Да брось ты. Я ведь просто стою перед тобой, что я могу замышлять? — Лян Сюань выждал театральную паузу и со вздохом добавил: — Знаешь, я тут подумал... пожалуй, мне действительно лучше сдаться тебе и уйти вместе.

Тай Сюй опешил.

Лян Сюань насмешливо вскинул брови:

— Разве ты не твердил мне без конца, что у меня слишком много привязанностей, а сердце исходит ядом? Помнится, ты клялся наставить меня на путь истинный. Ну вот он я, стою прямо перед тобой. Что же ты не тащишь меня в свой Храм Десяти тысяч Будд?

Тай Сюй на мгновение лишился дара речи. В глубине души он признавал, что действительно жаждал спасти Лян Сюаня. Тот не заслуживал столь бесславной участи. Лян Сюань отличался от своего безумного ученика: он оступился лишь из-за мимолетной слабости. Если бы удалось вырвать с корнем его губительную страсть, сокрушить демонические кости и очистить тело от скверны, его жизнь еще можно было бы спасти. И, возможно, вернуть того самого благородного юношу в белоснежных одеждах, чья улыбка когда-то сияла искренним светом.

— Бедный монах... — невнятно пробормотал Тай Сюй.

Лян Сюань тем временем дружески положил ладонь ему на плечо и, подавшись вперед, вкрадчиво сократил дистанцию до предела.

Вглядываясь в профиль монаха, Лян Сюань позволил алому пламени вспыхнуть в своих глазах. Он хищно усмехнулся и после короткого молчания прошептал прямо на ухо Тай Сюю:

— Ты и впрямь поверил, что я решил добровольно расстаться с жизнью, глупый ты лысый черт?

Едва слетело последнее слово, как притворное благородство Лян Сюаня бесследно испарилось, уступив место ледящей душу жажде крови. Из его пальцев мгновенно выскользнули три смертоносные иглы Павлиньего пера и со свистом вонзились глубоко в плечо монаха!

«Идти направо? Ну уж нет, дураков ищите в другом месте. Без нормального оружия лезть в драку — самоубийство чистой воды, так что старый добрый удар в спину — наше всё, хе-хе...»

Послышался глухой всхлип разрываемой плоти, и острая, невыносимая боль мгновенно пронзила тело монаха. Тай Сюй был потрясен. Он рефлекторно отпустил посох, пытаясь зажать

рану на плече, но именно этой секунды замешательства Лян Сюань и дожидался.

Дзенский посох выскользнул из ослабевших пальцев. Лян Сюань молниеносным движением перехватил тяжелое древко, резко оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, отлетев назад на добрый десяток шагов.

Осознав, что вся эта комедия с раскаянием разыгрывалась исключительно ради того, чтобы усыпить его бдительность и отобрать оружие, Тай Сюй побагровел от ярости.

— Лян Ланьин! — взревел он, содрогаясь от гнева.

Лян Сюань лениво приоткрыл глаза и с издевкой прижал палец к губам:

— Ш-ш-ш... Потихе. Те, кто любил называть меня Лян Ланьином, давно уже кормят червей в Подземном судилище Инцао.

Сжатые в кулаки руки Тай Сюя крупно дрожали:

— Если не Лян Ланьин, то как же мне величать тебя, нечестивец?!

Лян Сюань расплылся в улыбке:

— Зови меня папочкой.

— Наглец! — выдохнул монах, задыхаясь от возмущения.

— Увы и ах, — притворно вздохнул Лян Сюань, разводя руками с самым невинным видом. — Что поделать, если у меня есть на это все права?

Почувяв, что монах вот-вот бросится в атаку, он поспешно добавил:

— погоди, не кипятись ты так, мой лысый друг. Выслушай сначала, а то ведь дальше новости будут куда паршивее.

Тай Сюй резко встряхнул посохом, заставив кольца зловеще звякнуть. Он был готов к бою в любую секунду.

— По старой дружбе дам тебе ценный совет — не трать силы попусту, — Лян Сюань небрежно покрутил в руках украденное оружие. — Моего настоящего тела здесь нет, так что поймать меня ты все равно не сможешь. И брось даже думать о своих очищающих мантрах или прочей нудной чепухе — меня это не проймет. Если не хочешь лишиться руки, лучше займись раной,

пока яд не разошелся. А эту твою скалку я ненадолго одолжу. Как вспомню — верну, честное слово.

«Ладно, меч нет, так что и эта дубина сойдет за неимением лучшего. Вот прибью уродливую тварь, что сожрала мою прелесть, а там уж погляжу по настроению, возвращать тебе твою палку или нет».

Завершив грязное дело, Вэйцы-цзюнь не стал искушать судьбу. Искусством побега он владел в совершенстве — стоило ему сделать шаг, как его силуэт смазался, и он пулей скрылся в лесной чаще, оставив позади лишь поднимающуюся пыль.

Тай Сюй порывался броситься в погоню, но из глубокой раны на плече хлестала темная кровь. Взглянув на торчащее из плоти перо, слабо мерцающее ядовито-зеленым светом, он стиснул зубы. В его груди бушевал настоящий ураган ярости.

Целый век прошел, а этот паршивец ни на йоту не раскаялся. Напротив, его повадки стали еще более наглыми и развратными. Неужели он считает, что раз уж оступился и примкнул к демонам, то теперь ему все дозволено? Чем он тогда отличается от Син И, рожденного во тьме чудовища?!

Буддийские обеты предписывали смирение, и Тай Сюю понадобилось немало времени и духовных усилий, чтобы унять клокочущий гнев.

Смертоносная сила Павлиньего пера была велика. Без немедленного вмешательства яд мог разрушить его меридианы, однако потеря священного посоха жгла душу не меньше физической боли.

Оказавшись в безвыходном положении, монах принял единственное верное решение. Опустившись на землю, он принял позу лотоса и прикрыл глаза, чтобы подавить действие яда. Нужно было залечить раны, прежде чем пускаться по следу вора.

Когда придет время, он отыщет Лян Сюаня и самолично вырвет его демонические кости. А если упрямый глупец продолжит упорствовать в своем безумии... что ж, пусть лучше он обратится в горсть дорожной пыли, нежели продолжит осквернять этот мир своим присутствием!

<http://bllate.org/book/18178/1749953>